Дунай (7)

Во стольном во городи во Киеве
У ласкова князя у Владимера
Заводилось пировань[и]цо, почесьён пир,
Про многих князей да многих бояров,
Про рускиех могучиех боґатырей
А про тех поленицей приудалые.
А да все на пиру да напивалисе,
Ишше все на чесном да наедалисе.
Ишше все на пиру да пьяны-весёлы;
Ишше все на пиру да приросхвастались:
Боґатой-от хвастат золотой казной,
А сильной-от хвастат своей силою,
А да наезницёк хвастаёт добрым конём,
Добрынюшка хвастаёт вострым копьём,
Да вострым-де копьём да своей сметочкой.
Один-де князь не пьёт, не ест, не кушаёт,
Своей белой лебёдоньки не рушаёт —
По белоё горницы похаживат,
Сапог о сапог да покалачиват,
Златыма-де перснями да принашшалкиват,
Ишше сам говорит да таково слово:
«Уж вы ой еси-й, удалы добры молоццы,
Вы все-де князья да князья-бояра,
Вы все сильныя-могучия богатыри,
Вы все злыя поленицы при(й)удалыя,
Вы все-де купцы-гости торговыя,
Вы все-де кресьянушка прожитосьны!
Ишше все у нас в городи поженёны,
Ишше красныя девушки взамуж выданы —
А да един-де я, молодец, холост хожу,
Я холост-де хожу да нежонат славу.
Вы не знаете ле мне да боґосужоной,
Да котора бы станом статна, полновозростна,
Походоцька у ей да была бы — павиная,
Тиха рець у ей — да лебединая,

Очи ясны-й у ей — как й-у ясного сокола,
Брови черны-й у ей — как у черново соболя?»
А да старшой хороницсэ за среднёво,
А да средьней хороницсэ за младшово,
Ото младшово — Владимеру ответу нет.
А-й з-за того из-за стола из-за окольново,
Со того-де со места да богатырсково,
Со того-де со стула со дубовово
Выставал-де-й удалой да доброй молодець,
По имени Добрынюшка Микитиць млад,
Ишше говорыл да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимер стольно-киевской!
Ты позволь-де ведь мне да слово вымолвить —
Не казнить-де за то меня, не вешати,
Не ссылать-де во сылочку во дальную!»
Говорыл-де Владимер стольне-киевский:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Никитиц млад!
Ґоворы-тко, Добрынюшка, што тибе надобно».
Ґоворыл-де Добрынюшка таково слово:
«Ишше есь у тя во далечом чистом поли,
Ишше есь у тя во полюшки три поґреба:
Да един-от погрёб — двацдати локот,
А второй-от погрёб — трицдати локот,
Да третей-от-де погрёб — сорока локот —
Там сидит-де-й удалой да доброй молодець,
По имени Дунай да сын Иванович.
Ишше много Дунаюшко земель прошол,
Ишше многим-де Дунаюшко царям служил,
А да царям-де он служил да он цяревицям,
Королям он служил да королевицям —
Ишше знаёт ён вам да боґосужону,
Да котора бы станом статна, полновозросна,
Походочка-й у ей была бы — павиная,
Тиха рець й-у ей — да лебединая,
Очи ясны-й у ей — как у ясново сокола,
Брови черны-й у ей — как у черново соболя!..»
Ґоворыл-де Владимер стольно-киевской:
Уж вы ой еси, ключнички-замочнички!
Вы подите-тко, ключнички, во чисто полё,

Отмыкайте-тко, ключники, глубок погрёб,
Да которой-от погрёб сорока локот,
Выпушшайте Дунаюшка Ивановича,
Зовите-тко Дунаюшка на почесьён пир!»
Ише ключники на то да не-й ослушались —
Пошли-де ведь ключники во чисто полё,
Отмыкали-де ключники глубок погрёб,
Да которой-от погрёб сорока локот,
Ишше сами говорили таково слово:
«Уж ты ой еси-й, удалой доброй молодець,
По имени Дунай да сын Иванович!
Ты ставай-ко-се, Дунаюш[к]о, на резвы ноги:
Ишше Бох тибя, Дунаюш[к]о, повыкупил,
Государь тибя, Дунаюш[к]о, повыруцил,
Да Добрынюшка Дунаюш[к]а на свет спустил,
На свет спустил — Дунаюш[к]а повыруцил.
Поди-тко, Дунаюш[к]о, на поцесьён пир
Ко тому-де ко князю да ко Владимеру
Хлеба-соли-де исть да перевары пить!»
Как ставал-де Дунаюшко на резвы ноги,
Да выскакивал Дунаюшко вон из погрёба
Да повыше-де лесу да он стоячево,
Пониже-де облака ходячево.
Становилсэ-де Дунаюшко на сыру землю,
Пошол-де ко князю да ко Владимеру.
Заходит Дунаюшко на красно крыльцё —
Ступешек до ступешка да догибаицсэ.
Пошол-де Дунаюшко по новым сеням —
Ишше новы-ти сени да помитусились.
Заходил-де Дунаюшко во светлу грыдьню
Ко тому-де ко князю да ко Владимеру —
Ишше крест-от кладёт да по-писаному,
Поклон-от ведёт да по-учоному,
На все стороны чотыре поклоняицсэ,
Ишше князю Владимеру цэлом он бьёт,
Цэлом-де бьёт да низко кланялсэ.
Говорыл-де Владимер стольно-киевский:
«Ишше Бох тибя, Дунаюшко, повыкупил,
Государь тибя, Дунаюшко, повыручил,

Добрынюшка Дунаюшка на свет спустил
Да на свет спустил — Дунаюшка повыручил.
А да садись-ко, Дунаюшко, на почесьён пир,
Да садись-ко, Дунаюшко, за дубовой стол
Пониже Добрынюшки Никитича,
Повыше Олёшеньки Поповича!
Ишше много ты, Дунаюшко, земель прошол,
Ишше многим ты, Дунаюшко, царям служил,
Царям ты служил да ты царевицам,
Королям ты служил да коро[ле]вичам, —
А не знаёшь ле ты мне да боґосужоной,
Да котора бы станом статна, полновозросна,
Походочка-й у ей была бы — павиная,
Тиха рець й-у ей — да лебединая,
Очи ясны-й у ей — как й-у ясново сокола,
Брови черны-й у ей — как у черново соболя?»
Ґоворыл-де Дунай да сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси, Владимер стольно-киевский!
Накорми-тко-се наперво тепере досыта,
Да напой-ко-се меня да ты всё допьяна —
Тогда я тебе буду посказывать,
Моги только, Владимер, тогда послушивать!»
Наливал-де Владимер цяру зелена вина,
А да не малу, не велику — полтара ведра,
Ишше турей-де рог да мёду сладково;
Подавал-де Дунаюшку Ивановичу.
Принимаёт Дунаюшко единой рукой,
Выпиваёт Дунаюшко единым духом
Ишше турей-де рог да мёду сладково.
Наливал-де Владимер во второй након,
Подавал-де Дунаюшку Ивановичу.
Принимаёт Дунаюшко единой рукой,
Выпиваёт Дунаюшко единым духом.
Наливал-де Владимер во третей након,
Подавал-де Дунаюш[к]у Ивановичу.
Принимал-де Дунаюш[к]о третью чарочку,
Выпивал-де Дунаюшко единым духом.
Он первую чару выпил — для здоровьица,
А втору чару выпил — для весельиця,

А третью чару выпил — для похмельиця.
Начал-де Дунаюшко посказывать:
«Да моги только, Владимер, ты послушивать.
Я служил у короля да ляховинцского,
Я служил у короля ровно двенаццэть лет:
Ишше тры года служил да в портомойницках,
Ишше тры года служил да в подворотницках,
Ишше тры года служил да я в придверничках,
Ишше тры года служил да я в приключничках.
Ишше есь у короля да всё две дочери:
А одна дочи — Настасья-королевнична;
Та — злая поленица, при(й)удалая:
Не училасе Настасьюшка не ткать, не престь,
Да училасе Настасьюшка луком стрелять,
Да уциласе Настасьюшка конём владеть.
А да вторая доць — Опраксея-королевницьна:
Та станом-де статна да полновозросна,
Походочка у ей — да всё павиная,
Тиха речь й-у ей — да лебединая.
Оци ясны-й у ей — как у ясново сокола,
Брови черны-й у ей — как у черново соболя,
Та стано[м]-де статна да полнавозросна!»
Говорыл-де Владимер стольно-киевский:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
Ты бери-тко, Дунаюшко, силы-армии,
Ты бери-тко, Дунаюшко, золотой казны,
Ты бери-тко, Дунаюшко, зелена вина,
Ты бери-тко, Дунаюшко, красных девушок —
Поежжай к королю да ляховиньцскому,
Привези мне Опраксию-королевьничну!»
Говорыл-де Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Владимер стольно-киевский!
Ишше силой мне, армией не воёватисе,
Золотою казной не откупатися,
Зеленым мне вином не опиватися,
А да со красныма девками да не забавлятися!
Только дай мне-ка братёлка названово,
Да названого братёлка крестововo,
По имени Добрынюшку Микитица:

Поедём-де мы да во чисто полё
Ко тому-де королю да ляховиньцскому
А да за тою Опраксией-королевницьней!»
Ґоворыл-де Владимер стольне-киевский:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Нит[к]итиц млад!
Поежжай-ко ты с Дунаюшком Ивановичом,
Поежжай-ко к королю да ляховиньцкому —
Вы везите мне Опраксию-королевничну!»
Да не много-де ребята да розговарывали,
Скакали ребятушка на добрых коней,
Отправлялисе ребятушка во чисто полё.
Только видели посяську да молодецкую,
А не видели поезки богатырцкою;
Только видят: во чистом поли курева стоит,
Курева-де стоит, да дым столбом валит.
Ишше едут-де ребятушка по чисту полю,
Ишше едут-де ребята трои суточки,
Подъежжают к королю к ляховиньцкому.
Ишше едут не путём да не дорогою —
Церез те же церез стены да городовыя,
Церез круглыя башни наугольныя;
Подъежжают ко двору ко княженецкому,
Соскакивают ребята да со добрых коней.
Ґоворыл-де Дунай да сын Ивановиц:
«Уж ты ой еси, мой братёлко крестовыи,
По имени Добрынюшка Никитиц млад!
Коґда сабелька у мня да запошумливат,
А колецюшко у сабельки запобрякиват —
Ты бежи-тко-се тогда да на широкой двор,
Выручай меня с Опраксией-королевничней!»
Побежал-де Дунай да сын Иванович,
Побежал-де Дунаюшко ко красну крыльцю.
Не по-старому приехал, не по-прежному:
У ворот он не спрашивал прыворотничков,
Пробеґал-де Дунаюшко по новым сеням —
У дверей ён не спрашивал прыдверьничков.
Забегал-де Дунаюшко во светлу грыдьню
Ко той же к Опраксеи-королевничны:
А да Опраксея сидела за красеньцями.

Ишше брал-де Дунаюшко за праву руку,
Да повёл-де Дунаюшко вон из горёнки.
Увидал королишшо да лях[о]виньскоё,
Начал в роги трубить да во цюлпа́ны бить.
А на то же дворышшо да на широкоё
Да сбежалосе пановьей-тотаровьей,
Да хватают-де Дунаюшка Ивановича.
Да выхватывал Дунайко да саблю вострую,
Начал бить-де, рубить да силу-армию;
Куда-де он махнёт — да и тут улиця,
А назадь-от махнёт — да пере(й)улочёк.
Тогда сабелька у Дунаюшка запошумливала,
А да колечушко-й у сабельки запобрякивало.
Услыхал-де Добрынюшка Никитиц млад,
Побежал-де Добрынюшка на широкой двор
Да навстречу Дунаюшку Ивановичу,
Да выхватывал Добрынюшка саблю вострую —
Начели бить-рубить да силу-й-армию,
Всю прибили-прирубили да силу-й-армию.
Ґоворыл королишшо да ляховиньцкоё:
«Уж ты ой еси, Дунайко со товарышшом!
Отпустите вы, ребятуш[к]а, ретивы серця,
Вы оставьте мне тотарушок на семена!»
Отпустили-де ребята да ретивы серця,
Пошли ребятушка со широка двора,
Увели-де-й Опраксию-королевьницьну,
Садили-де-й Опраксию на добра коня.
Да скакали-де ребятушка на добрых коней,
Поехали ребятушка во чисто полё.
А Настасьюшки дома да не случилосе.
Как издалеча-далеченька, из чиста поля
Приежжаёт Настасья да королевничня —
Ишше тут королишшо да всё росплакалсэ,
А Настасьюшки своей да всё розжалилсэ:
«Приежжал-де Дунайко со товарышшом,
Не по-старому приехал да не по-прежному:
Всю прибил-прирубил да силушку-й-армию
Да увёз-де Опраксию-королевницьну!»
А Настасьюшка много не розговарыват —

Скакала-де Настасьюшка на добра коня,
Отправлялась Настасьюшка во сугон сзади,
А поехала Настасья да во чисто полё.
Да наехала Настасьюшка добрых молоццов.
Выхватыват Настасья да саблю вострую,
Да ударила Дунаюшку в буйну голову —
Как россекла у Дунаюшка стальной шишак.
Ише тут-де Дунай да сын Иванович
Ише передал Опраксию-королевьничну
Ко тому-де Добрынюшки Нит[к]итичу,
Да выхватывал Дунаюшко саблю вострую.
Рубилисе ёни да саблеми вострыма —
Ишше востры-ти сабли да исшорбалисе:
Некоторой некоторово не ранили,
К ретивым-де серцам раны не придали.
Кололисе копьями долгомерныма —
По насадочкам копья да извернулисе:
Некоторой некоторово не ранили,
К ретивым-де серцам раны не придали.
А да билисе палками буёвыма —
В руковатоцьках палки да изломалисе:
Некоторой некоторово не ранили,
К ретивым-де серцам раны не прыдали.
Тянулись церез грывы лошадиныя:
Некоторой некоторово не вытянул.
Скакали-де ёни да со добрых коней,
А да схватилисе ёни да всё в охабочку.
Ишше водяцсе они да день до вечора:
Некоторой некоторово не бросили.
Говорыт-де Добрынюшка Никитиц млад:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановиць!
Надо бить бабу по пелькам, пинать под жопу —
Ише та-де раночка — кровавая!»
Начал бить Дунай по пелькам, пинать под жопу —
Тогда тут-де Настасьюшка росплакалась
Да Дунаюшку тогда да прирозжалилась.
Помирилисе они да со Дунаюшком,
Да поехали они да в красён Киёв-град
Играть-де ёни да чесну свадёбку

Ко тому-де ко князю да ко Владимеру.
Ишше едут-де ёни да по чисту полю,
Ишше едут-де — со Настасьюшкой забавляюцсэ,
Ишше едут-де — со Настасьей потешаюцсэ.
Говорыл-де Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Настасья-королевнисьня!
Когда будём мы во городи во Киеве
У того-де-й у князя да-й у Владимера
Да играть-столовать да чесну свадёбку,
Ишше будём мы тогда да пьяны-весёлы,
Да тогда-де ты, Настасьюшка, не захвастайсе!..»
Приежжают во город-от во Киев-от
Ко тому-де ко князю да ко Владимеру —
Начели они пир да чесну сваёбку
У того-й у князя да-й у Владимера
Да со тою Опраксией-королевнисьней.
Ишше все на пиру да пьяны-весёлы,
Ишше все на сваёбки росхвастались:
А да боґатой-от хвастат золотой казной,
А да сильной-от хвастат своей силою,
А да наезницёк хвастаёт добрым конём,
А ишше глуп-от хвастаёт молодой женой,
Неразумной-от хвастаёт родной сёстрой,
Ишше умной-от хвастат старой маменькой.
А ишше тут же Настасьюшка захвасталась:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановиць!
Когда жил ты у нас у батюшка родимово,
Мы стреляли ли с тобой во меточку во польскую
Да простреливали колецюшко золочёное, —
А ты-де, Дунаюшко, попадать не мог,
А я-де простреливала колецюш[к]о золочёное!»
За беду палось Дунаюш[к]у за великую,
За велику за досаду показалосе:
«Уж ты ой еси, Настасья да королевнисьня!
Мы поедём-де с тобой да во чисто полё,
Мы поедём-де с тобой да всё потешицсэ,
А своима-де луками да пострелятися!»
Отправлялисе оне да во чисто полё.
Говорыл-де Дунай да сын Иванович:

«Уж ты ой еси, Настасья да королевнисьня!
Я поло́жу тебе-де золочон перстень,
Положу я тебе-де на твою ґлаву;
Да прострелю я стрелоцьку калёную
Сквозь етот-де перстень золочонои!»
Говорыт-де Настасья да королевницьня:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
Как застрелишь ты меня, да красну девицю —
Ишше есь у мня в утробы да всё два отрока!»
А да стрелял-де Дунай да сын Ивановиц:
А первую стрелу стрелил — да он не дострелил,
А да вторую стрелу стрелил — да он перестрелил,
А да третьюю стрелу стрелил — да во Настасьюшку:
Как попало-де Настасьюш[к]и в ретиво серьцё,
Да застрелил-де Настасьюш[к]у всё он до смерти...
Вынимал-де Дунаюшко саблю вострую,
Да ростегивал Дунаюшко латушки кольцюжныя
365У той-де Настасьи да королевнисьны,
А роспорол-де-й у Настасьи да груди белыя,
Посмотрел-де у Настасьи да ретиво серцо:
У Настасьюшки в утробы да всё два отрока.
За беду пало Дунаюшку за великую,
За велику за досаду да показалосе;
Пожалел-де Дунаюшко двух отроков,
Да двух сыновьей да ёму кровныех.
Скакал-де Дунаюшко на добра коня,
А брал-де копьё да долгомерноё,
Ише брал-де копьё да во праву руку,
Ише брал-де копьё да он вострым концом;
Да скакал-де Дунаюшко на востро копьё —
Закололса Дунаюшко на востром копье...
Ишше тут-де Дунаюшку славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 18 июля 1901 г.: д. Ти́мшелье <Дорогорской вол.> — от Рычкова Степана Васильевича, ок. 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.